

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-110-141>
<https://elibrary.ru/FQEPUF>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Великая могила»: Мавзолей В.И. Ленина во французском травелоге 1920–1930-х гг.

© 2022, Е.А. Легенькова

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается изображение Мавзолея Ленина и связанного с ним культа вождя в травелогах французских писателей и журналов второй половины 20-х и начала 30-х гг. XX в. Мавзолей — неизменное место паломничества как советского народа, так и иностранных гостей. Для французских путешественников он представляет интерес как московская достопримечательность, отражающая идеологию советского строя, средство его пропаганды, место насаждения нового культа и религии, странных в провозгласившей атеизм Москве. Авторы отмечают азиатский характер этого культа, демонстрирующего непроницаемость ментальностей Запада и Востока. Споря с советской пропагандой, эффективной в стране, где подавляющая часть населения малограмотна, они приходят к выводу о невозможности создания мифа о бессмертии вождя в цивилизованных странах с давней демократической традицией. Опираясь на вошедшие в сознание французов со времен маркиза де Кюстина стереотипы восприятия французами России и создавая новые, авторы пытаются осмыслить Мавзолей как явление культуры. На подробные экфрастические описания и зарисовки стоящей в очереди в Мавзолей толпы накладываются философские размышления и публицистический пафос. Контраргументом советской пропаганде становится метафора выдаваемого за живого человека мертвеца, распространенная не только на образ Ленина, но и на господствующую идеологию построенного им государства. В Приложении приводятся переводы выдержек из травелогов французских авторов.

Ключевые слова: Мавзолей, Ленин, травелог, французские писатели и журналисты, советская пропаганда, миф, Запад и Восток.

Информация об авторе: Елизавета Александровна Легенькова — кандидат филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой, кафедра немецкого и романских языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, ул. Фучика, д. 15, 192236 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ussrrus133@yahoo.com

Для цитирования: Легенькова Е.А. «Великая могила»: Мавзолей В.И. Ленина во французском травелоге 1920–1930-х гг. // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 110–141. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-110-141>

С момента смерти В.И. Ленина вопрос о формах увековечения его памяти всегда оставался спорным. Первоначально Мавзолей был задуман как временный павильон для продления срока прощания народа и иностранных делегаций с большевистским вождем [10, с. 40–41]. В дальнейшем в ансамбле Красной площади Мавзолей стал особым местом поклонения и паломничества. Его посещение было одним из обязательных пунктов широкой культурной программы для иностранных гостей, предлагаемой им ВОКСом, а затем его преемником «Интуристом». В послеоктябрьской России Мавзолей превратился в главное место памяти¹, новый центр интереса, привлекавший внимание москвичей и гостей столицы, своеобразное явление советской культуры, широко используемый пропагандистский символ.

1924. «Великая могила: Ленин умер, но дело его живет»

(плакат, неизвестный художник)

1924. "Great grave: Lenin is dead, but his work lives on" (poster, unknown artist)

¹ Концепт, предложенный известным французским историком П. Нора, представителем современного направления французской историографии «Новая история» (как преемника «школы Анналов»). См.: [7].

В 1920–1930-х гг. советская Россия после установления дипломатических отношений с Францией (1924 г.) распахнула свои двери и для французских гостей. Среди них были писатели и журналисты, приезжавшие с целью познакомиться с молодой советской страной и поделиться с французской читательской аудиторией своими впечатлениями о жизни в России в новых исторических обстоятельствах. Их репортажи часто появлялись во французской прессе еще в ходе путешествия, а потом издавались отдельной написанной в жанре травелога книгой с ярко выраженным публицистическим началом. Увидеть своими глазами СССР стремились далеко не только сторонники Октябрьской революции, среди иностранных гостей было достаточно много так называемых «попутчиков» или вовсе недоброжелателей режима, оставивших о своих путешествиях любопытные свидетельства.

Травелоги об СССР журналистов Анри Бери (1925), Андре Виоллиса (1927), Альфреда Фабр-Люса (1927), Жозефа Дюбуа (1932), писателей Жоржа Дюамеля (1927) и Люка Дюртена (1927)², несмотря на то, что в свое время были весьма резонансными и неоднократно переиздавались значительными для французского книгоиздательства тиражами, сразу же после своего выхода в свет и до начала второй мировой войны, впоследствии оказались забытыми. Не оправдавшие возложенных на них принимающей стороной надежд, они так и остались непереуслеленными на русский язык.

Путешествие в чужую страну подразумевает знакомство с ее достопримечательностями. С середины 1920-х гг. в СССР достопримечательностью № 1 был Мавзолей В.И. Ленина. В травелоге каждого из упомянутых авторов есть рассказ о посещении Мавзолея, который стал поводом высказаться по широкому кругу тем и отразить многие ассоциации, вызванные этим никем из них не оставившим равнодушным мемориалом.

Наблюдая за формированием нового культа, где Мавзолею отводилась особая идеологическая роль, они задавали те вопросы, которые и сегодня продолжают волновать общество и историков³. Осмысливая механизм, социальные условия и идейные предпосылки

² В скобках указаны даты путешествия. Преобладание поездок в 1927 г. объясняется тем, что часто они были приурочены к торжествам по случаю празднования в Москве десятилетия Октябрьской революции. Как правило, гости публиковали свои впечатления в прессе и только затем издавали отдельной книгой. Поэтому само путешествие и полную публикацию травелогов разделяет некоторое время.

³ Сегодня проблема культа В.И. Ленина довольно хорошо изучена в разных аспектах. См.: [1; 9; 11].

создания культа Ленина, авторы травелогов опирались на сложившиеся еще до революции за пределами страны стереотипы о культурной отсталости населявших царскую Россию народов, таинственной славянской душе, роли православия в поддержке самодержавия и т. п. Их наблюдения, которыми они делились со своей аудиторией, порождали в ее сознании стереотипы видения советской России и ее основоположника и зачастую укрепляли прежние, сложившиеся до 1917 г. При этом авторы травелогов декларируют объективность своих наблюдений за происходящими на их глазах изменениями, связанными с возникновением нового строя и зарождением культа вождя.

1931. «Великая могила: Мавзолей В.И. Ленина» (лубок, неизвестный художник)
1931. "Great grave: Mausoleum of V.I. Lenin" (epinal print, unknown artist)

Большинство авторов видели второй деревянный Мавзолей⁴, и только Ж. Дюбуа пишет о третьем — новом каменном строении, которое называет «душой Красной площади». Деревянный Мавзолей, а затем построенный на века новый гранитный предстает перед читателями как главное культовое сооружение страны, символизирующее смену идеологических парадигм (целенаправленное вытеснение

⁴ Деревянный Мавзолей был построен за три дня сразу после кончины В.И. Ленина по проекту архитектора А.В. Щусева, затем перестроен им в августе 1924 г. Знакомый нам облик усыпальница получила позже. Она была отстроена в камне по проекту того же архитектора и открыта к октябрю 1930 г.

православия — коммунизмом, поклонения Христу — поклонением Ленину)⁵.

В первую очередь авторы обращают внимание на лаконичную архитектуру Мавзолея, которая, по выражению А. Боро, является «попыткой первобытного простейшего зодчества» [12, с. 46], радикально отличающего его ото всех остальных культовых и гражданских строений на Красной площади. Отмечая особую строгость его конструкции (это касается авангардной эстетики как деревянного, так и нового гранитного Мавзолея), некоторые авторы не без основания проводят параллели с вавилонскими храмами или египетскими пирамидами, воплощающими в себе мысль о вечности. Дюамелю это «деревянное здание» кажется «странным». А на Дюртена кубистические «массивные формы» выполненного «из темного дерева» здания «производят впечатление гранитных». В связи с именем Ленина помимо Мавзолея Дюртен и Дюамель упоминают и Институт, специально созданный для изучения его наследия⁶. В обоих описаниях прослеживаются отмеченные авторами мрачные черты конструктивистской архитектуры, роднящие здание, где изучается доктрина вождя, с его могилой. Дюртену Институт видится как «строение в виде куба металлического серого цвета с жесткими ребрами. Архитектура похожая на гробницу, но больше выступающая над землей: как и подобает, когда речь идет о произведении искусства» [17, с. 321]. Дюамель, не слишком жалующий «оголяющий скелет» конструктивистский стиль, называет это здание «мрачным, составленным из прямоугольных объемов и не лишенным красоты, если б оно внезапно нарисовалось на белом снегу или выросло на фоне голубого неба» [16, с. 170].

Экфрастическое описание самого монумента и окружающего его ансамбля Красной площади, «куда Советы поместили главный объ-

⁵ Напомним, что автор Мавзолея был не только гражданским архитектором, с 1901 г. он служил в канцелярии оберпрокурора Святейшего синода и до революции создал ряд проектов церковной архитектуры в неорусском стиле, например, Марфо-Мариинскую обитель в Москве (1907–1912).

⁶ Здание Института марксизма-ленинизма построено в Москве в 1926–1927 гг. по проекту архитектора С. Чернышева. Создание Института по инициативе РКП(б) в 1923 г. непосредственно связано с формированием культа В.И. Ленина. Там были собраны документы, автором которых он был. Одной из задач Института было издание его полного собрания сочинений. В конце 1925 г. там была начата работа на переводом на иностранные языки (английский, немецкий, французский) собрания сочинений почившего вождя. Над французским переводом работали эмигрировавшие в советскую Россию владевшие русским языком французы (М. Боди, П. Паскаль, В. Серж). В 1927 г. было официально объявлено о публикации этого издания в 30 томах из расчета четыре тома в год, в конечном итоге по ряду причин было издано всего 8 томов [13, с. 260–265; 14, с. 248–254].

ект своего изобразительного искусства» [15, с. 146], призвано дать читателю полное представление о местонахождении гробницы Ленина и об особенностях ее архитектуры. В 1925 г. это «примитивный деревянный куб», выделяющийся своей простотой по сравнению с замысловатыми разноцветными куполами Василия Блаженного и флорентийскими зубцами Кремлевской стены (Беро). А в 1932 г. каменный Мавзолей описывается так: «эта внушительная масса из красного мрамора с уступами и строгими геометрическими линиями выделяется объемом и мощной простотой, будучи лишена всякого украшения. <...> На фронте большими черными буквами написано имя Ленина» [15, с. 146].

Невозможность создать у читателя эффект присутствия иными средствами, кроме словесных (издания не иллюстрированы), вынуждает авторов травелогов подробно описывать Мавзолей. Рассматривая здание снаружи, они описывают решетку ограждения, заснеженный или цветущий партер и меняющееся в зависимости от времени года обмундирование охраняющих вход суровых красноармейцев, змеящуюся нескончаемую очередь из разношерстной многонациональной толпы паломников, торговцев сувенирами и пр. Внутри восхищаются искусным напоминающим свет лампы освещением и торжественным убранством в красно-черных тонах.

У части авторов описания не всегда совпадают в деталях. Так, защищающая тело Ленина стеклянная рака видится им как хрустальный короб (Дюртен), стеклянная клетка или ящик (Дюамель), стеклянная рака (Виоллис), хрустальный саркофаг (Дюбуа)⁷. Побывавшие в усыпальнице в один и тот же год Дюамель и Виоллис описывают погребальную камеру по-разному: «маленький квадратный зал» (Дюамель) и «маленькая, круглая камера» (Виоллис). Виоллис ошибается — зал с гробом Ленина был прямоугольным [10]. При этом ей нельзя отказать в точности воспроизведения царящей у тела Ленина особой траурной атмосферы, подчеркнутой красно-черными драпировками и коммунистической символикой: укрывающее гроб знамя Парижской коммуны, высвеченные ярким лучом света золотые Серп и Молот⁸.

В своих размышлениях у гроба пролетарского вождя авторы, кроме Дюртена, почти не обращаются к личности Ленина, хотя она, несомненно, представляет для них некую загадку. При посещении Мавзолея они не стремятся проникнуть в тайну «человека, которого

⁷ Автором стеклянного саркофага был архитектор К.С. Мельников (1890–1974).

⁸ Внутреннее убранство траурного зала было разработано театральным художником И.И. Нивинским (1880–1981).

часть человечества считает жестоким демоном, а другая — добродетельным гением, одно только имя которого вызывает такой взрыв ненависти и любви» [25, с. 259]. Дюртен, пытается дать свое видение совершенной вождем революции и, опираясь на его статьи и выступления, рассказать о значении Ленина как теоретика и практика революционного строительства государства диктатуры пролетариата, подчеркнуть его политическую гибкость, обратить внимание на его манеру письма и ораторские способности. Некоторым (Беро, Фабр-Люс, Виоллис) достаточно назвать Ленина «жестоким» диктатором в духе уже складывающегося на Западе стереотипа.

Во Франции — и прежде всего в среде французских левых интеллектуалов — личность Ленина вызывала большой интерес, но литературы о нем там было мало. В самом начале 1920-х гг. коммунистическая «Юманите» напечатала о нем статьи Горького и Троцкого, после смерти вождя в рабочих издательствах выходили брошюры В. Сержа, А. Гильбо [22; 19], также на французском языке вышли воспоминания о Ленине его вдовы [20]. О том, насколько сложной для изображения французам представлялась фигура Ленина, можно судить по переписке главного редактора «Эроп» (1929–1936) Жана Геенно и жившего тогда в России Пьера Паскаля. Паскаль, предупреждая своего корреспондента о возможных трудностях при работе над книгой о Ленине, отмечал как главное препятствие необходимость лавировать между «Сциллой коммунистов и Харибдой буржуазного общественного мнения» [21]⁹. В ходе работы Геенно отказался от этого проекта. Примечательно, что в этой же непростой ситуации находилось большинство авторов травелогов. Размышляя над «истинными характеристиками этой личности», им приходилось брать в расчет, что на нее «заодно обрушиваются и самая яростная ненависть, и обожествление» [17, с. 321].

Жанру травелога свойственны публицистическое и описательное начала, их пропорции определяются самим автором. Травелоги 1920-30-х гг. зарубежных авторов зачастую ориентированы на публицистику, примером может служить травелог Т. Драйзера «Драйзер смотрит на Россию» (1928). Некоторые французские авторы отдавали первостепенную дань описаниям, предпочитая сосредоточиться на внешнем облике покойного, его костюме, драпировках и т. п., и стремились создать посмертный физический портрет мертвого Ленина, подчеркивая сохранность тела и видимость жизни, от которой «пробирает дрожь» (Виоллис). Посетителей Мавзолея

⁹ См. подробнее: [3].

поражает искусство бальзамировщиков, сумевших создать иллюзию отдыхающего после напряженного рабочего дня человека.

В центре внимания авторов не столько личность Ленина, сколько создающая его культ советская пропаганда, которую все они стремятся разоблачить. Говоря о широко растиражированном образе Ленина, Беро подчеркивал: «Пропаганда навсегда ввинчивает его в вашу память» [12, с. 46]. В память не одного поколения советских людей врезались ставшие лозунгом знаменитые строки из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924) В. Маяковского «Ленин и теперь живее всех живых» и слова «Ленин умер, но дело его живет», начертанные на плакате 1924 г. с изображением деревянного Мавзолея.

Пропагандистское применение к новой действительности пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех Жизнь даровав» позволяет стереть границы между жизнью и смертью вождя, продолжающего жить, как утверждается, в памяти и сердцах советских людей. Первым из приведенных здесь авторов это отметил Беро, назвав главу о Ленине и его усыпальнице «Ленин и мертвый продолжает жить». Главе предпослан эпитафия из «Истории России» Ламартина о Петре Великом, продолжавшем царствовать в народном сознании и после своей смерти¹⁰.

Не только Беро, но и другие, такие же не обманутые советской пропагандой авторы травелогов, понимают, что в случае ее успешности «Ленин останется живым как легенда» [16, с. 164]. Но если Дюамель, проявляя лояльность к режиму, нейтрально констатирует, что «с каждым днем чудесная легенда стремительно растет и распространяется все шире» и Ленин обретает «свое место в великих народных мифах» [16, с. 164], то Фабр-Люс, убежденный антибольшевик и оппонент Дюамеля, возлагает надежды на провал советской пропаганды. «Если те, кто эксплуатирует труп на Красной площади, потерпят поражение, мы увидим, как он так же незамедлительно истлеет вплоть до исчезновения из народной памяти, повторив судьбу прежних царей. Сколько же еще времени Ленину оставаться бессмертным? Ответ на этот вопрос определит все будущее России» [18, с. 132].

В антитезе бессмертия и смерти как акцентированного советской пропагандой мотива вечной жизни вождя у большинства авторов травелогов преобладает образ мертвого Ленина. Приемом

¹⁰ Напомним, что свойственному русским кумиропочитанию удивлялся еще в середине XIX в. Луи Виардо, когда в своих очерках о России (1844, 1845) писал о культе Петра I: «Кажется, русские превратили его в святого» [23, p. 103].

этой контр-пропаганды становится неоднократно повторяющееся упоминание «забальзамированного Ленина», призванное усилить у французского читателя чувство оторопи перед лицом массового поклонения покойнику, образ и личность которого в СССР возводятся в абсолют. Виоллис напоминает читателям, что именно умело использующая древние верования и набожность народа пропаганда является причиной «театрального выставления напоказ трупа и древнего погребального культа, который как-то отвратителен нашей латинской чувствительности» [25, с. 29]. Авторами разоблачаются фальшивые советские лозунги, внушающие доверчивому народу иллюзию вечности диктатора, его идей и дела. Как очевидцы они свидетельствуют, что в Мавзолее представлена всего лишь «мумия, труп, мертвец, бедная мертвая маска, спокойный заgrimированный прекрасный труп...» [25, с. 29].

Вся метафорика описаний посещения Мавзолея связана с мотивом смерти и запаха тления: «затянутый красным шелком душный коридор» [25, с. 259]; «на спускающейся к мертвецу красно-золотой лестнице удушающий запах пролетариата мало отличается от миазмов смерти» [18, с. 129]; «Азиаты в каракулевых папахах или в огромных лохматых шапках воскуривают новому пророку фимиами своего кислого запаха» [17, с. 319].

Раскрывая смысл ежевечерне разыгрывающегося на Красной площади спектакля¹¹, Виоллис объясняет, что советские руководители «взяли на вооружение древние верования, чтобы привлечь толпу деревенских легковверных в новое святилище» [25, с. 29]. Авторы убеждены, что коренящиеся в дореволюционных временах забитость, неграмотность, набожность и суеверность сохраняются и продолжают культивироваться в народных массах и при новом режиме, который ловко ими пользуется в своих политических интересах: «В один момент потерявшему и своего царя, и своих святых мистическому русскому народу дали Ленина» [25, с. 29].

Стоящая в очереди в Мавзолее народная толпа «благочестивая» (Беро) и, как внушают иностранным гостям, «благочестивая» (Дюамель). Эта «терпеливая, мистическая и убогая толпа», представляющая «смиранный народ» (Беро), является залогом успехов

¹¹ Авторы отмечают, что Мавзолее открыт для посещения по вечерам и приводят график его работы: «Каждый вечер с 8 до 10 часов толпу допускают лицезреть эти останки и каждый вечер тут стоит очередь.» [12, с. 44]; «Мавзолее, действительно, открыт для посещения с семи до девяти часов, за исключением тех дней, когда Красная площадь превращается в поле для маневра при прохождении коммунистических шествий. Каждый вечер с пяти часов толпы начинают собираться в длинные очереди...» [15, с. 148].

коммунистической пропаганды в насаждении новой идеологии. Бéro и Фабр-Люс по меньшей мере иронизируют, если не издеваются над ней, когда показывают, что советская агитация способна обратить в свою веру только малокультурный, безграмотный и покорный народ. Но даже у менее радикально настроенных наблюдателей, стремящихся сохранить вежливую неангажированность (Дюртен и Дюамель), превращение покойного в объект массового созерцания вызывает недоумение и большие сомнения в его целесообразности. А Вильдрак сравнивает мировоззрение социально «взрослого» народа Франции, осуществившего мечту о социальной справедливости еще в XVIII в., с наивными верованиями «русского народа-ребенка», которому еще предстоит долгий путь взросления [24, с. 242–243] и объясняет этой разницей вызывающую у французов насмешки грубость, прямолинейность и несовременность методов советской пропаганды¹².

Восприятие в травелогах «другого» через противопоставление «мы» и «они», латинского и славянского, западного и восточного, Франции и России включает в себе потенциал не только для сопоставления, но и для критики «чужого». Этой критике подвергается сама идея построить на главной площади страны поблизости от созданного итальянскими мастерами Кремля гробницу для забальзамированного вождя. Как представляется многим, Мавзолей символизирует и евразийскую судьбу России, обреченную своим географическим положением на роль некоего посреднического инструмента, сводящего вместе в новом качестве Запад и Восток. Оценка наблюдаемой французскими гостями жизни в СССР зависит не только от их зачастую настороженного отношения к новому большевистскому режиму, но и от этих уходящих в далекую историю представлений. Россия для этих французов, а значит и для их читателей, не Европа, но и не Азия, в крайнем случае это «другая Европа» (название травелога Дюртена) с очень прочными азиатскими корнями. Об этих корнях им говорят не только «калмыцкое лицо», «раскосые глаза» (Бéro) или «калмыцкие скулы» Ленина (Виоллис), его «массивная челюсть, широкие скулы азиата» и его «азиатский мистицизм» (Дюртен), но и причудливая архитектура храма Василия Блаженного (Бéro) и сама терпеливая толпа у входа в Мавзолей, представляющая «пестрый Восток, но, как всегда, не

¹² Французский детский писатель Ш. Вильдрак побывал в СССР дважды: в 1928 и 1935 гг. и опубликовал во Франции травелог «Новая Россия. Путешествие в СССР» [24]. В книге нет описания Мавзолея, но в связи с размышлениями по поводу методов советской пропаганды писатель упоминает Мавзолей как пример, свидетельствующий о различиях в менталитете французского и русского народов.

чистый Восток» (Дюамель). Да и сам Мавзолей, место погребения в духе восточных верований, продолжающий древнюю традицию азиатского царя Мавсола, они сравнивают с «черным камнем в Мекке» (Дюртен), храмом Соломона (Беро). «Возведенный в ранг героя Ленин <...> бдит из-за стекол своего гроба и наблюдает за этим созданным им самим новым Востоком» [12, с. 45].

Однако при посещении Мавзолея ощущается не только воплощение в нем восточных традиций и обычаев страны, где велико значение ее азиатских земель и населяющих их народов, говорящих на разных языках и поклоняющихся разным божествам. Описывая Мавзолей, французские авторы сравнивают его с местом отправления религиозного культа, подчеркивая, что смена объекта поклонения не слишком изменила обрядность и обычаи: как и прежде, толпа «бормочет свои отченаш» (Беро), в очереди много женщин в платках на голове и с младенцами на руках, как при посещении храма (Виоллис). Этим «умиленным матерям» уличные торговцы предлагают в качестве сувенира «безобидного Ленина-ребенка с круглой головой и маленьким бантом», а остальным фанатикам — агиографические брошюры (Фабр-Люс). Таким образом, как им представляется, новый культ, совсем другой по своей идеологии, легко воспринимается малограмотным населением, мистический настрой которого позволил ему в своей вере быстро переориентироваться с православия на коммунизм.

Размышляя о принципах создания и распространения культа вождя, авторы травелогов приходят к сходным с более близкими к нам по времени выводам, сделанным зарубежными и отечественными исследователями [1; 8; 10]. Для Дюртена Мавзолей это «странно примененная к новому сознанию новая форма мифа...» [17, с. 321]. Сакрализация персонифицированной власти большевиков нуждалась в создании сначала посмертного, а затем и прижизненного культа вождя, с сопутствующими ему широко использовавшимися пропагандой коммеморациями и заимствованными у церкви религиозными обрядами, вплоть до почитания икон, на смену которым, как отмечают французские авторы, пришло невообразимое число портретов вождей, украшающих фасады государственных зданий, рабочие помещения, детские ясли и даже психиатрические больницы¹³.

¹³ В той или иной степени это констатируют все авторы, но наиболее жестко и предметно Беро [12, с. 46] и Вильдрак [24, с. 240].

Авторы травелогов поражены тем, как беззастенчиво молодое советское государство, создавая новый культ, заимствует у церкви ее методы распространения религии. Говоря о господствующей в советской России идеологии, Беро утверждал: «Коммунизм это религия. Это вера со своими мучениками и фанатиками. Современная жизнь спешит. Вот почему в Москве Инквизиция так быстро последовала за Катакомбами» [12, с. 133]. Теме «новой религии», сменившей одну ортодоксальность (православие) другой (коммунизм), Дюртен посвятил отдельную главу «Новая религия» [17, с. 291–325]. Так же, как и опиравшийся на православие царизм, свергнувшие его и провозгласившие безбожие большевики возводят коммунизм в ранг веры, следовательно, им нужны свои святые, свои храмы, свои священнослужители и свои ритуалы. Виоллис отмечает, что для православного сознания нетленные мощи являются условием канонизации святого. Поэтому для превращения Ленина как «сверхчеловека, покоящегося в своей раке» [25, с. 29] в объект поклонения и понадобились его забальзамированные «мощи».

Журналистка привлекает внимание читателя к противоречащей здравому смыслу уникальности ситуации: «в так называемой столице атеизма — Москве» утверждается новая религия и появляется новое божество. О том же пишет Фабр-Люс, поражаясь, как старые (вера в бессмертие) и новые (вера в чудеса науки) предрассудки парадоксальным образом накладываются друг на друга в этом «странном культе» поклонения новому «божеству», в котором он видит не только «прославление коммунизма», но и «созерцание смерти», «ритуалы минуты молчания» и «воздаяния почестей» [18, с. 266]¹⁴. Ни один из рассматриваемых нами авторов не может допустить мысль о возможности создания подобного культа у себя на родине. Вильдрак, размышляя о вытеснении в СССР старой мистики новой и одного культа другим, пишет, что французам не пришло бы в голову ради того, «чтобы почтить память великого человека бальзамировать его труп и выставлять его, как святые мощи, на всеобщее обозрение» [24, с. 240].

Но, пожалуй, никто из них, даже весьма ироничные Беро и Фабр-Люс, живи они в эпоху постмодерна, не решился бы в целях развенчания советского режима во всех его проявлениях, назвать соответствующую главу своего травелога «Мертвый парень в сте-

¹⁴ Современные отечественные исследователи тоже отмечают это противоречие и показывают, что в советской России поклонение ленинским «мощам» шло вразрез с провозглашенной режимом борьбой с церковными практиками и шарлатанством [2, с. 266].

клянном гробу», как это сделал современный канадский турист из Ванкувера, с насмешкой поделившийся в интернете своими впечатлениями от посещения Мавзолея: «“Мертвый парень в стеклянном гробу”. Читали сказку “Спящая Красавица”? Так вот, это — то же самое. Ну, точнее, совсем не то же. Ленин находится здесь уже почти 100 лет, можно наблюдать много охранников и довольно хорошо сохранившуюся мумию самого Ленина» [6]. Что ж, *Tempora mutantur et nos mutantur in illis...* Выставленный напоказ «вечно живой» Ленин вызывает у наших иностранных современников несколько иные ассоциации нежели те, о которых шла речь в данной статье.

В Приложении переводы выдержек из травелогов французских авторов даются в той хронологической последовательности, в какой с ними мог знакомиться французский читатель. Так, Дюамель и Дюртен путешествовали вместе, но книга первого вышла в 1927 г., а второго — в 1928. Дюамель побывал в СССР на несколько месяцев раньше Фабр-Люса, и это позволило последнему полемизировать с ним в своем травелогe.

Приложения

1. Анри Беро. «Что я видел в Москве»

Béraud A. *Ce que j'ai vu à Moscou.* Paris: Les Editions de France, 1925. 250 p.

Глава VI. Ленин и мертвый продолжает жить. С. 43–50.

*После смерти его имя имело такой вес в Империи,
что он царствовал и на смертном одре.*
(Ламаргин, История России. Петр Первый)

Торжественное и ритмичное пение становится все громче. Из моего окна я вижу роту солдат в тяжелых сапогах. Они пересекают площадь Революции и идут через Иверские ворота в сторону таинственного сердца Москвы — Кремля. Красногвардейцы возвращаются с учений.

Своим ровным и тяжелым шагом они доходят до Красной площади, название которой Советам менять не пришлось: Красная площадь. Вот стены в духе флорентийского зодчества, зубцы, ворота с подъемной решеткой, купола, золотые цепи, иконы. И вот, за огра-

дой в самом конце площади — восхитительный, громадный, веселый и пышный собор Василия Блаженного, приземистая невысокая постройка, безумство формы и цвета. Вблизи его напоминающие ананас двенадцать куполов, подобные витым луковицам, золотым дыням, каплям карамели, вытянутым плодам цитрона, его спиральные сигнальные башни и украшенные полихромным орнаментом стены напоминают изготовленное феями пирожное для стола восседающего на Кавказе великого царя¹⁵.

Если удастся отвести взгляд от этого сказочного памятника, то посреди площади увидишь совсем другую постройку. Она нарочито современна, то есть примитивна. Посреди обнесенного черной металлической преградой островка стоит куб из обработанных морилкой досок. Только двойной лестничным марш и ряд ниш нарушают его однообразие. Можно подумать, это часть Ковчега. Его корма из соединенного встык дерева ничем не украшена. На уровне земли — ведущая в красноватые сумерки подземелья дверь. Перед ней неподвижно лицом к лицу, с приставленным к ноге оружием, глядя друг другу в глаза, стоят два солдата.

Это могила Ленина.

Почивший вождь лежит здесь в стеклянном гробу. Каждый вечер с 8 до 10 часов толпу допускают лицезреть эти бранные останки и каждый вечер тут стоит очередь. Тьма посетителей растягивается далеко за собор Василия Блаженного до самого берега Москва-реки. В основном это солдаты и *партийки*¹⁶, скрывающие волосы под тугими кумачовыми косынками, и красные служащие в люстриновых *рубашках*¹⁷. Но также это и настоящая русская толпа, терпеливая, мистическая и убогая, такая же как та, что бормочет свои отченаш¹⁸ перед золочеными образами и мерцающими желтоватым пламенем свечами. И все они проходят перед трупом того, кто убил Царя-батюшку и, после смерти, в свою очередь, превратился в Командора ордена обращенных в новую Веру.

Возведенный в ранг героя Ленин, умерший полтора года тому назад, бдит из-за стекол своего гроба и наблюдает за этим созданным им самим новым Востоком.

¹⁵ Аллюзия на царя Ивана Грозного, женатого вторым браком на дочери кабардинского князя Марии Темрюковне — этот брак укреплял позиции России на северном Кавказе.

¹⁶ По-русски латиницей.

¹⁷ По-русски латиницей.

¹⁸ По-русски одним словом и латиницей.

Бывший ссыльный, жалкий скиталец, Ленин в свои последние дни стал похож на царя. Мужики называли его Батюшка. Действительно, он был последним царем. Великая, чудесная история! Этот путь из мебелишки на Монпарнасе до Кремля! Смиранный народ, тот самый, что только что содрогнулся при виде пергаментного калмыцкого лица, чует это. На него давит это подземелье в приглушенном зареве света, этот геометрический спереди украшенный пятиконечной звездой храм, эта попытка первобытного простейшего зодчества, уж не первое ли это здание Израиля — первое в мире со времен разрушения храма Соломона?

И, может быть, из двух противостоящих у подножья Кремля памятников — построенного при Иване Грозном собора и сколоченного из дерева в 1924 году мавзолея — старейшим окажется вовсе не храм с несущими кресты куполами.

Однако в Москве повсюду видны изображения Ленина. Это какое-то наваждение. Эти круглый череп, борода, раскосые глаза, задумчивое отрешенное лицо встречаются на каждом шагу. Пропаганда навсегда ввинчивает его в вашу память. Он везде, во всех витринах, каким бы ни был предлагаемый покупателям товар. Ленин на литографиях, Ленин пастелью, Ленин выжженный на деревянной доске, мозаика с Лениным, линогравюра с Лениным, Ленин-чернильница, Ленин-бювар. Целые магазины отведены под продажу его бюстов: всех размеров, из разных материалов, за любую цену, из бронзы, мрамора, камня, фарфора, алебаstra, гипса, не считая Лениных, запечатленных через объектив — от парадной фотографии до моментальных снимков и фильмов. Миллион портретов! А, возможно, и больше.

Как будто этого не достаточно, есть еще и двойники, экзальтированные или находчивые граждане, гримирующиеся под Ленина. Их неисчислимое множество и они чудесно преуспевают. Думаю, что в Москве десять тысяч фальшивых Лениных с тщательно подстриженной в соответствии с лучшими портретами модели бородкой в стиле «рояль».

Где мы могли наблюдать такой разгул изображений и такой расцвет чудесных двойников? В Риме. Лицо, тиражируемое в огромном количестве экземпляров, после лица Ленина это, конечно же, лицо Муссолини. Еще одно сходство между Фасцией и Красной звездой. Несомненно, диктатуры, все диктатуры порождают вкус к образности и подражательству подобного рода.

Определенно, на советской земле Ленин выглядит пророком. Его сочинения это Евангелие и Коран. В трудных случаях ссылаются на его слова, как на священное писание. НЭП (новая экономическая политика) расширенное применение которого во всех этих местах преобладает во всех навязчивых идеях, НЭП прикрывается авторитетом Ленина. Правда, что с 1921 г. он вдохнул его дух в знаменитой речи «необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад».¹⁹

С тех пор отступление усилилось и русские армии экономической войны продолжают отходить на заранее подготовленные позиции. Надо посмотреть, что останется от коммунизма и марксизма в нынешней жизни страны Советов. От имени Ленина, от имени сурового неподкупного и мрачного апостола заново отчеканенные монеты все еще обращаются на прилавках. Ленин умер бедняком — богатым бедняком, сохранили ли эти слова какой-нибудь смысл для того чистого социалиста, каким он был? Ленин спит в самом сердце Москвы. Но хоровод appetitов кружится вокруг места его погребения. В ста шагах отсюда открывается вид на *Ряды*²⁰, московские торговые галереи, под высокими стеклянными крышами которых находятся переходы, где ютятся спекулянты. На *Никольской*²¹ прохожие шепотом спрашивают фунты и доллары. Люди играют на бирже, начинают наслаждаться жизнью. Неужели это заря Директории? Кто знает? Поэт Тютчев сказал: «Умом Россию не понять». Будущее здесь в руках древних киммерийских богов. В этой стране, где века пролетают за часы, все кажется эфемерным. Россия неспешными шагами вразвалку идет к своим неизвестным судьбам. Что можно понять? Как отделить вчера от завтра?

На самой торговой улице Москвы я вижу продавца церковной лавки. У нее две витрины. Справа — венцы, дароносицы, дарохранительницы, ковчежцы. Слева — красные знамена, расшитые обязательными эмблемами: серпом и молотом. Советы пишут на стенах: «Религия — опиум для народа». Но они закрывают глаза на торговлю этими набожными наркотиками. Неважно, что будет завтра! *Ничего!*²² Возможно, вступая в тень вечности, Ленин наилучшим образом

¹⁹ Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике 29 ноября 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. Июнь 1921–март 1922. С. 207. URL: <http://uaio.ru/vil/44.htm> (дата обращения: 27.05.2022).

²⁰ По-русски латиницей.

²¹ По-русски латиницей.

²² По-русски латиницей. Многие авторы обращают внимание на широкое распространение в России выражения «ничего», имеющее значение «нормально»,

растворил свой дух в русской душе, терпеливой, непостоянной, томной русской душе.

2. Жорж Дюамель «Московское путешествие»

Duhamel Georges. Le voyage de Moscou. Paris: Mercure de France, 1927. 258 p.

Из главы XVII. С. 159–164.

Мы пойдем на Красную площадь. Нет! не бойтесь. Она так называлась и в царские времена. Иногда «красный» по-русски означает и «красивый», как для нас «зеленый» может значить «молодой». Это красивая площадь. Во времена Петра она была еще и кровавым местом, на ней стоял эшафот.

Здесь покоится Ленин. Об этом говорят пять больших бронзовых букв, прибитых к фронтому странного деревянного здания, под которым вырыт погребальный склеп. Зеленый садик за решеткой придает особый вид всему ансамблю. Толпа ждет у охраняемой красноармейцами двери. Мне рассказывали о благоговейной толпе, подобной той, что прежде падала на колени перед останками Святого Сергия.²³ У меня такого впечатления не сложилось. Для благоговейного вида этой толпе не хватает единства. Там, конечно, есть досужие горожане, приехавшие издалека крестьяне с детьми на руках, но еще татары, грузины, китайцы, лопари, кочевники из Туркестана в длинных халатах и невероятных меховых шапках, короче, люди прибывшие из всех точек Союза и еще из более дальних краев. Это пестрый Восток, но, как всегда, не чистый Восток. Как же ей быть благоговейной этой толпе, когда разные составляющие ее люди не говорят на одном языке и у них нет пока одинаковых богов? Я говорю пока, отложив на потом будущее и Ленина.

Войдем. Вслед за толпой? Нет! Это было бы долго. У меня в бумажнике специальное разрешение, оно должно нам помочь пройти без очереди. Мария Павловна²⁴ требует, чтобы его предъявили караульному.

Но караульный неподкупен. Он не хочет даже взглянуть на бумагу с официальными печатями. Он просит нас встать в очередь вместе с другими. Тогда я повышаю голос и по-французски твердо «не страшно», «не беда», характеризующее покорность русского национального характера.

²³ Во время поездки в марте-апреле 1927 г. Жорж Дюамель и сопровождавший его Люк Дюртен посетили Свято-Троицкую Сергиеву лавру в Сергиевом Посаде.

²⁴ Мария Павловна Кудашева (будущая жена Р. Роллана) — московский гид Дюамеля и Дюртена.

объясняю, что намерен пройти немедленно, так как мы очень спешим. Солдат ничего не понимает, кроме того, что мы иностранцы. Он приоткрывает дверь и пропускает нас.

На пороге Мавзолея снимают головной убор. Не вся толпа хранит молчание; люди тихо переговариваются; в присутствии Молоха она не выглядит терроризированной, а чувствует себя как дома, спокойная, едва ли любопытная, она проходит по небольшому с поворотами коридору, потом спускается по ступенькам. Стены голые; из всех украшений только термометр. Наверное, для хорошей сохранности мумии необходимо следить за температурой. Еще один поворот и вдруг — крипта. Это маленький квадратный зал. Электрические лампы освещают точно рассчитанным светом длинный стеклянный ящик. По обе стороны стоит по солдату со штыковой винтовкой. Мы поднимаемся на несколько ступеней в ногах у мумии, чтобы ее обойти, и смотрим.

Ленин тут. Я не представлял себе его таким. По фотографиям и картинам я ожидал увидеть чуть курносого брюнета. А это маленький, почти лысый рыжеволосый человек. Нос кажется заострившимся. Цвет лица, освеженный какими-то химическими препаратами, выглядит естественным. Голова покоится на подушке. Руки сложены на животе. Человек одет во френч цвета хаки. Нижнюю часть тела скрывают драпировки. Он так прекрасно сохранился, что можно подумать, что сделан из воска. Не будь общих заверений, я бы засомневался. Но это мумия.

Я уже заканчивал свой обход, как вдруг в ярком освещении увидел нечто огромное и почти чудовищное: лоб, лоб мертвеца, где в двух одинаковых выпирающих грозных выпуклостях сосредоточена вся тяжесть его головы.

Вот и все. Мы снова в коридоре, посреди карабкающейся к выходу толпы. Я думаю о судьбе этого человека. Чем была его жизнь? Чем же стали те жаркие годы его правления, что принесли ему эту удивительную славу, которая продолжится в веках? Вернись завтра цари, легкомысленная гипотеза, и сожги они, если осмелятся, мумию с Красной площади, прах которой они развеют по всем уголкам степи, отныне Ленин останется живым как легенда. Может, он и был, во что я не верю, мелким неизобретательным агитатором, теперь он призрак гения. Миллионы людей питают его своей плотью и кровью. Его слова, его поступки, какое они могут иметь значение перед лицом тех слов и поступков, которые ему станет приписывать целый народ? С каждым днем чудесная

легенда стремительно растет и распространяется все шире. Ленин не лежит в стеклянной клетке: он уже восседает на Олимпе будущего. У него свое место в великих народных мифах.

Мы снова вернулись на неровную мостовую Красной площади, но я продолжаю грезить. Ненасытный Дюртен хочет еще раз посмотреть на мушкетера и толпу, мы охотно подождем его здесь.

3. Андре Виоллис. «Одна в России: от Балтики до Каспия»

Viollis Andrée. Seule en Russie de la Baltique à la Caspienne. Paris: Gallimard, 1927. 332 p.

1. Из главы II. Первый взгляд. С. 28–30.

Еще несколько шагов и внезапный шок: освещенный неровным светом дуговых ламп из сумерек своей высокой зубчатой красноватой стеной выступает Кремль, потрясающий великолепием остроконечных башен, куполов, дворцов и лукович, над которыми возвышаются двуглавые орлы и кресты.

Но сперва над его центральной частью различаешь трепещущий, как пламя, и развевающийся даже без малейшего дуновения ветерка непреодолимо притягивающий взгляд алый стяг. Изобретательно подсвеченный снизу рефлектором, оживленный искусственным дыханием, он реет над городом как суверенный символ нового порядка.

Конечно, прием немного театральный, но, должно быть, покоряющий душу и взгляд той толпы, бесконечная лента которой медленно разворачивается к мавзолею, где, как говорят, на ложе из пурпурного шелка покоится забальзамированный Ленин.

Ибо этот мавзолей находится тут, у подножия исторической стены, под полощущимся полотнищем знамени. Это простой деревянный с геометрическими линиями куб, над которым возвышается саркофаг. Большой ларец, по форме напоминающий Ковчег Завета на старых иллюстрациях священной истории.

По обе стороны низкой двери, откуда исходит мощный поток медно-красного свечения, стоят два окаменелых огромных солдата с ребячьими лицами под ужасными монгольскими шлемами, в длинных и тяжелых шинелях, жесткими складками спадающих до земли.

Почти все бедные люди, паломники, закутавшиеся в тулупы, должно быть, приехали издалека, так как у них в руках жалкие чемоданы из натертого мастикой дерева и завязанные узлом тюки. У женщин, как у наших крестьянок в церкви, на головах платки; у многих на руках склонившие головку им на плечо маленькие дети. На пороге они выпрямляются, будят детей, легонько прикоснувшись

рукой к губам, чтобы подавить их крики; мужчины резко срывают с головы фуражки или меховые шапки; лица сосредоточенные, глаза опущены или же раскрыты в пустоту и сияют мистическим жаром.

Я думаю о старом русском суевеии, согласно которому монах или анахорет мог быть канонизирован только нетленным. До последних лет общественное мнение требовало этого достаточного и необходимого для святости знака. «Тленный не может быть святым», — гласит народная поговорка²⁵.

Так вот, холодильные установки, кажется, поддерживают сохранность останков диктатора, специалистам поручено следить за их свежестью, периодически пластифицировать, гримировать, как старую кокетку, эту бедную мертвую маску. Разве так чудесно преуспевающие в пропаганде советские руководители не взяли на вооружение древние верования ради того, чтобы привлечь толпу деревенских легковерных в новое святилище? И разве не в этом заключена скрытая причина театрального выставления напоказ трупа и погребального культа, который как-то отвратителен нашей латинской чувствительности?

В один момент потерявшему и своего царя, и своих святых мистическому русскому народу дали Ленина, сверхчеловека, покоящегося в своей раке. И это необычное ночное паломничество под колыхающимся в чудесном сиянии знаменем можно увидеть не где-нибудь, а в так называемой столице атеизма — Москве.

2. Из главы XXVIII. Что такое русская коммунистическая партия. С. 259–261.

Я хотела увидеть в его мавзолее человека, построившего это творение, человека, которого часть человечества считает жестоким демоном, а другая — добродетельным гением, чье одно только имя вызывает такой взрыв ненависти и любви.

Было совсем темно. Высокие розоватые крепостные стены терялись в сумраке, а над ними слегка колыхалось красное знамя. Уже собирались закрывать железные ворота. Толпа выходила. По обе стороны мавзолея стояли два высоких солдата, взгляд их скрывал остроконечный монгольский шлем со звездой. Затянутый красным шелком душный коридор, свет, как в аквариуме, стоящий в ряд караул, затем несколько ступеней, новая дверь, а там... Это погребальная

²⁵ Перифраз первого послания к Коринфянам апостола Павла, Гл. 15, стих 53: «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

камера, маленькая, круглая и с низким потолком, полностью обтянутая шелком, рубиново-красная; прямо падающий неестественный яркий свет, поднимаясь от образующих театральную рампу электрических ламп, разбивается о стеклянную раку, где лежит Ленин. Раку отделяет деревянная ограда. В головах и ногах — еще два застывших солдата с примкнутыми к стволам штыками.

Я ожидала увидеть желтую высохшую мумию. Явленный мне человек до такой степени сохранил видимость жизни, что меня от волнения и почти от ужаса пробирает дрожь. В глубине я сначала замечаю только погруженную в пунцовую подушку голову с огромным куполом обнаженного лба цвета слоновой кости, потом часть груди в бежевой гимнастерке со сверкающими знаками отличия, тело спрятано под складками красного знамени, это знамя Парижской коммуны, сверху — высвеченные ярким лучом Серб и Молот.

Потом глазами я возвращаюсь к лицу: кажется, веки подрагивают над внутренним взглядом, легкая улыбка витает вдоль подкрашенных щек, таинственным образом приподнимает над редкой бородкой уголки розовых губ. Это не та улыбка, какую я так часто видела на портретах, бюстах, в кино, та перерезающая овал лица улыбка была с двойной складкой сарказма, и это не тот острый, как лезвие, проникающий и возбуждающий взгляд.

Нет, выражение лица борца исчезло. Странное выражение безмятежности, чуть ироничное и мечтательное, царит над чертами покойного. Руки просто вытянуты, видна только та их часть, которая от гнева или в угрожающем жесте так часто сжималась в кулаки, а теперь открыта и расслаблена.

Ах! Они знают, что делают, когда представляют толпам для почитания этот спокойный заgrimированный прекрасный труп! Тот, чья доктрина потрясла и продолжает потрясать мир, передал тяжелое наследие. Он передал светоч или вернее факел. Основоположник русской Коммунистической партии мирно спит без угрызений совести, без сожалений, как добропорядочный рабочий вечером в конце трудового дня...

4. Альфред Фабр-Люс. «Россия 1927»

Fabre-Luce Alfred. Russie 1927. Paris: Grasset, 1927. 241 p.

Из главы «Панорама Москвы». Раздел «Заgrimированный труп». С. 128–132.

Уже темнело, когда я пришел на Красную площадь, до закрытия оставалось три часа. Гробница Ленина своими нисходящими коричневыми деревянными прямоугольниками под небольшой черной колоннадой возвышается у кремлевской стены. Поблизости теснятся приехавшие поклониться ему со всех уголков России группы рабочих и крестьян. Они провели весь день в очереди, терпеливо сидя семьями на скамейках. Их осаждают уличные торговцы сувенирами, в розницу продавая этого заставляющего всех их ждать мертвеца: умиленным матерям — безобидный Ленин-ребенок с круглой головой и маленьким бантом; фанатикам — Ленин как человек действия в краткой агнографии.

Захожу с последней партией экскурсантов. На спускающейся к мертвецу красно-золотой лестнице удушающий запах пролетариата мало отличается от миазмов смерти. Потолкавшись, волнующаяся толпа выстраивается у входа в усыпальницу, мы медленно проходим поодиночке перед лицом и профилем мумии. Обман! В этом стеклянном гробу лежит не жестокий диктатор. Я вижу лишь безымянное тело, которому смерть придала его образ. Борода и волосы неестественно светлые. Бескровные руки истончали. Грудь больше не откинута вызывающе назад, лицо больше не оживлено «героическим и детским» смехом, большие пальцы рук больше не засунуты в проймы жилета, а вытянуты, имитируя покой. Выступающий лоб и плоский череп хранят нечто грозное, но скулы покрыты розовым химическим гримом... Зачарованные пролетарии, медленно шествуя, с сожалением удаляются, подталкиваемые к выходу наружу прибывающей толпой. Их взгляд прикован к Божеству, и они продвигаются на ощупь, держась руками за перила. На обратном пути эти неуверенно идущие слепцы создают ему живой и переменчивый ореол. Странный культ, где причудливо смешались прославление коммунизма, созерцание смерти, ритуалы минуты молчания в день заключения Перемирия и воздаяния почестей неизвестному солдату. (Прежде всего, Ленин это такой пролетарий и победитель). Тайна потустороннего мира накладывается на определенность бальзамирования; самые древние предрассудки сближаются с боготворящим чудеса науки современным предрассудком. Уничтожив царизм и православие, большевики воскресили в сознании каждого старую основу политической религии точно так же, как оттерев закопченные кремлевские иконы, они обнаружили более древние лики.

Загримированный труп — выбранный большевизмом символ. Ежедневно ученые с партбилетом делают ему осмотр, инъекции, ибо мертвые такие же хрупкие, как и живые. А другие поддержи-

вают коммунистическую экономику, впрыскивая в нее иностранный или крестьянский капитал... Мне рассказывали историю убитого в Сибири фаворита Ивана Грозного, тело которого замерзло во льду и сохранялось нетленным несколько веков. Случайно найденное, оно попало на воздух и разложилось в одно мгновение. Если те, кто эксплуатирует труп на Красной площади, потерпят поражение, мы увидим, как он так же незамедлительно истлеет вплоть до исчезновения из народной памяти, повторив судьбу прежних царей. Сколько же еще времени Ленину оставаться бессмертным? Ответ на этот вопрос определит все будущее России.

5. Люк Дюртен. «Другая Европа. Москва и ее вера»

Durtain Luc. *L'autre Europe. Moscou et sa foi.* Paris: Gallimard. 1928. 351 p.

1. Из главы III. На Красной площади. С. 319–321.

Приземистое здание выполнено из темного дерева. Его массивные формы производят впечатление гранитных. Этот небольшой мавзолей все же привносит в саму идею нечто колоссальное: кажется, что здесь кубизм соединяется с величием ассирийских храмов. Колоссальный черный алмаз в глубине Красной площади, кажется, кристаллизовался сам по себе. Ни изображений, ни надписей, на фронтоне — бронзовые буквы: ЛЕНИН.

Два солдата, стоя за решеткой с приставленным к ноге ружьем, днем и ночью несут караул: зимой длиннополые тулупы придают им массивно-монументальный вид.

Ежедневно часами длинная очередь приверженцев ждет у дверей гробницы. Затем, как земляной червь, она погружается в подземелье усыпальницы... Суровые люди с заводов и из деревень; кепки или тулупы. Старые морщинистые *бабы*²⁶ держат за руку ребенка в красном галстуке. Азиаты в каракулевых папахах или в огромных лохматых шапках воскуривают новому пророку фимиами своего кислого запаха и подносят обол своих наивных глаз. Встаньте в эту череду молчаливых людей. В темном вестибюле вы покинете дневной свет и с непокрытой головой окажетесь под лампами, которыми все культы любят заменять солнце и звезды. Вы спуститесь глубоко по лестнице. На стене два ряда огнетушителей: любопытная символическая предосторожность в гробнице того, кто подожг мир. Эти вертикальные цилиндры выстроены в ряд, как органые трубы.

²⁶ По-русски латиницей.

Вот вы и в подземной камере. Молчаливые паломники. Солдаты, несущие караул.

Хрустальный короб.

Лежащий маленький рыжий человек, окутанный алым шелком — знаменем Коммуны, складки которого достигают груди, кажется, спит.

Перед всеми знаменитыми личностями всегда возникает некое замешательство, момент подготовки. Надо выбрать между разными характерными чертами лица. Перед этим человеком никаких сомнений. Вы даже не думаете измерить взглядом под формой цвета хаки размер ширины его плеч. Точно так же вы забываете о массивной челюсти, широких скулах азиата. Ни рыжеватые волоски странного разлета бровей, подскакивающих к степям висков, ни слегка расширяющиеся у основания ноздри, ни выдающаяся на всех портретах нижняя губа, которую сплющила смерть; ничто из этого не задерживает вашего внимания. Пропустите эти силой тяжести прочерченные на щеках складки у ушей; пропустите этот непостижимый покой, которому раскосый разрез глаз придает характер улыбки. Ваша мысль совсем не стремится к мертвым чертам; а к тому, что в мертвце есть еще от живого. Это широкий лоб, где выдается в двух местах черепная кость, кажется, не сумевшая устоять перед натиском внутренней мощи. Продолжающий лоб лысый череп делает его огромным. Он похож на набитое яйцами брюшко насекомого, иногда даже после смерти все еще их откладывающее.

2. Из главы III. Фигура Ленина. Выступления и тексты Ленина. С. 321–324.

В центре новой России этот лоб мертвца, хранящий всю деятельность его жизни, — предмет культа, простота которого выявляет огромную власть. Таков черный камень в Мекке.

Странно примененная к новому сознанию новая форма мифа...

В СССР ежегодно выходит несколько сотен книг о Ленине. Изучению его доктрины посвящен целый Институт, строение в виде куба металлического серого цвета с жесткими ребрами. Архитектура похожа на гробницу, но выступающая выше над землей, как и подобает, когда речь идет о произведении искусства.

Можно считать, что подобные почести, этот колоссальный посмертный успех, непропорционально велики для человеческого значения Владимира Ильича Ульянова, именуемого Лениным. Разве

политика не игра теней? Бóльшее значение, чем величие личности, которое в искусстве является всем, в истории, наоборот, играет близость к очагу — света или пожара, — и именно эти дополнительные качества позволяют человеку удержаться рядом с ним и придают тому или иному силуэту такие необычайные размеры на стене пещеры.

Какими были истинные характеристики этой личности, на которую заодно обрушиваются и самая яростная ненависть, и обожествление?

Ее разнородность приводит в замешательство. Проявляющий художественный вкус абстрактный доктринер; конспиратор и аристократ; человек смелых инициатив и сторонник умеренности. Оставим эту напрасную игру контрастов. Так же, как на лице Ленина, физические черты подчиняются чертам, отмеченным мыслью, все факты его жизни оказываются определены одной страстью — абсолютной преданностью новому порядку вещей.

Человеческие пороки, действия, которые для любого другого стали бы падением, у него не затрагивают той чистоты, тверже которой не существует. Нравственное чувство? Гуманность? Для Ленина это недостаточная группа мотивов, все сосредотачивается за ее пределами. Опаснейшая склонность из всех взглядов на будущее. Ужасный и совершенный тип абсолютного революционера... Меня приводит в ужас любой человек, предпочитающий что бы то ни было самому человеку.

Азиатский мистицизм, возведенный в высочайшую степень и примененный не к религиозному культу, а к социальным формулам, облеченным для него в очевидную геометрию, — таков Ленин.

Этот вызывающий такую веру человек сам был прежде всего верующим.

В Музее Голоса²⁷ в Ленинграде можно поочередно услышать голоса двух вождей первых лет революции: Ленина и Троцкого. Троцкий говорит как лидер. Тембр голоса теплый, безудержное, мощное, ритмичное, нюансированное с разными паузами красноречие. У Ленина речь непрерывная: все слова равноценны, ни одно не пропустить. Временами точно в том месте, где смысл требовал бы от говорящего заминки, указывал бы точку в голосовой линии, слоги еще больше уплотняются, стремятся к следующему абзацу.

²⁷ Так Дюртен называет научную лабораторию «Кабинет изучения художественной речи (КИХР)» в Ленинграде, которую они с Дюамелем посетили во время своей поездки в СССР. Об этом см.: [4, с. 382–401].

Так, в «Золотом скарабее» По²⁸ прекращающееся в зашифрованном документе развитие смысла угадывается по сжатию текста... Эта растягивающаяся во времени текучесть абсолютного порыва, как линия реки от истока, растекается по земному шару, эта текучесть — характерная черта написанного Лениным. Откроем некоторые из его произведений: борьба с ересями, защита своих воззрений, призыв к действию. Теперь это скучное чтение. Однако его монотонность не лишена величия; часто во многих блестящих формулировках там проявляется энергия (и сегодня не утратившая силу краткость слов), с которой он неустанно резко нападает на своих друзей-оппонентов, критикуя их произведения.

Качества его деятельности? Некоторые осуждают дерзость и способности революционера, но никто бы не смог их отрицать. Все предвидеть и заранее все описать... Этот человек, вынужденный в семнадцатом прятаться в шалаше в Сестрорецке, сумел в течение месяцев притормаживать нетерпение своих соратников, заставляя их выжидать; потом, когда наступило время, подстегнуть их, дать им пинка, уловить точный момент свержения режима пятьюдесятью штыками, у такого человека наверняка было чувство своевременности.

В 1921 г. в момент введения НЭПа он продемонстрирует самые любопытные, самые редкие таланты. Возможно, чтобы меня поняли, необходимо предисловие.

Кормите лабораторных мышей совершенно чистыми продуктами, сахаром, или тщательно очищенным зерном — они зачахнут и вскоре умрут. Добавьте к этому слишком схематичному питанию либо отруби, либо такую сложную смесь, как молоко; если не слишком поздно, подопытные животные восстановятся, начнут развиваться.

Если химическая чистота убивает животных, идеологическая чистота убивает общества. Сложность, возможно, это главный закон человека. Без некоторого основного противоречия, без «жизненных примесей», всегда приводящих теоретиков в отчаяние, никакая политическая или религиозная система не сможет это снести. Инквизиция, поддерживая в Испании непререкаемые догмы, погубила ее; пуританство убило бы Америку, если бы нравы там тайно не оставили себе возможность поквитаться. Таким образом, чистый

²⁸ «Золотой жук» (англ. The Gold-Bug), рассказ Эдгара Аллана По (1843), где подробно описан криптографический метод решения простого шифра подстановки. Это история о сокровищах, определение местонахождения которых связано с расшифровкой ключа. Один из героев разгадал его, применив систему подсчета знаков шифра и сопоставление с частотой использования букв в английском языке.

марксизм времен военного коммунизма чуть было не уничтожил не только Россию, что в глазах Ленина, возможно, не имело бы большого значения, чем смерть подопытного животного для биолога, но и саму революцию.

Может быть, будущее в первую очередь увидит в Ленине совсем не человека действия, с необычайной точностью сумевшего внедрить свою деятельность в конъюнктуру своего времени и обстоятельств, когда сокрушительный успех доказал справедливость его расчетов, но клинициста, взгляд которого четыре года спустя доказал свою правоту.

В странном зле, умерщвлявшем тело Государства, язвах и параличе Ленин диагностировал некоторые жизненные составляющие, как говорят врачи, «болезнь бездеятельности». Никакого самолюбия! Отказ от теории! На кон поставлена жизнь революции! Лимонный сок личного интереса — о! совсем чуть-чуть, всего несколько капель — и незначительное закачивание золота, применяемого в лабораториях в коллоидном состоянии, — и агонизирующая страна вновь обрела силу. В этом заключался настоящий смысл НЭПа.

Такой поступок служил не только спасению революции: он отделил ее от интегрального и геометрического марксизма. Фактически это значило установить новую доктрину. Ленинизм гораздо более непоследовательное построение, чем система ученика Гегеля, он изобретательно приспособлен к человеческой природе и, в частности, к характеру славянина.

6. Жозеф Дюбуа. «СССР. Новое человечество»

Dubois Joseph. U.R.S.S. Une nouvelle humanité. Paris: Librairie Valois. 1932. 256 p.

Из главы XXIII. Сцены публичной жизни. Раздел «Красная площадь и могила Ленина». С. 146–148.

На самом деле, эта площадь — нависающее над Москва-рекой настоящее плато, которое круто к ней обрывается, образуя обычный для русских рек перепад уровней. По широким пересекающим его со всех сторон проспектам огромные толпы могут стекаться туда во время манифестаций, сценой которых она всегда была и пребывает поныне.

Посреди этих заботливо сохраняемых и почитаемых декораций Советы поместили главный объект своего изобразительного искусства: усыпальницу Ленина. Эта внушительная масса из красного

мрамора с уступами и строгими геометрическими линиями выделяется объемом и, будучи лишена всякого украшения, — мощной простотой. Установленный у подножия и по центру кремлевской стены этот мавзолей наделен символическим смыслом: он скрепляет судьбы новой России под самым оком Исполнительного комитета, который не может избежать его тиранического присутствия, потому что расположен в самой древней крепости. Между ними огромные партер из цветов и широкое пространство для размещения официальных лиц во время всех церемоний, ареной которых является площадь, они окружают мавзолей и образуют некий «квартал Ленина». Гораздо более обширный, чем большинство наших парижских площадей. На фронте большими черными буквами написано имя Ленина.

Во все времена, когда случались общественные потрясения, Москва сбегалась в Кремль, но сегодня Красная площадь — это какой-то огромный клуб под открытым небом, предназначенный для зажигательных демонстраций коммунистической жизни. В этом смысле гробница Ленина возбуждает постоянное благочестие: солдаты на посту обеспечивают почетный караул, для этого двое военных постоянно стоят у дверей мавзолея. Этому посту поручена также ежевечерняя охрана порядка с пяти до девяти часов, тогда она становится более многочисленной.

Мавзолей, действительно, открыт для посещения с семи до девяти часов, за исключением тех дней, когда Красная площадь превращается в поле для маневра при прохождении коммунистических шествий. Каждый вечер с пяти часов толпы начинают собираться в длинные очереди наподобие покорных змей, извивающихся мимо сада с цветами и специальными трибунами. В семь часов голова змеи погружается в темноту мавзолея, минут через десять толпа, как выплеснутая через клапан отработанная заводом вода, уже выходит через правую боковую дверь усыпальницы. Сифонная труба запущена, два часа непрерывно поток будет течь. Не все правоверные туда попадут. В центре памятника, на довольно большой глубине нарочито помпезно охраняемое лабиринтом лестницы на почетном одре в сверкающем под огнями крипты хрустальном саркофаге находится тело Ленина. Только голова и руки выделяются на фоне темной блузы; маска с жесткими рыжими волосками на подбородке, по правде говоря, отражает неукротимую энергию.

Могила Ленина, таким образом, это душа Красной площади, играющая в русской революции роль, аналогичную той, которую в наших анналах в эпохи гражданских потрясений и политического волнения играли площадь Нации, площадь Согласия или Марсово поле.

Перевод Е.А. Легеньковой

Литература

1. *Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. М.: АИРО–XXI, 2020. 632 с.
2. *Каишевров А.Н.* Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб.: СПбГТУ, 1999, 327 с.
3. *Легенькова Е.А.* Об одном московском письме Пьера Паскаля Жану Геенно // Материалы международной конференции ИМЛИ РАН «Литература как автономия: интеллектуалы и идеология в XX веке (Россия и Запад)». 10–11 сентября 2015 г. URL: <http://imli.ru/arkhiv-2015/1612-tezisy-i-annotacii-dokladov-na-russkom-i-frantsuzskom> (дата обращения: 28.05.2022).
4. *Легенькова Е.А.* Советские музеи глазами французских писателей: «места памяти» или места забвения? // Статьи о французской литературе. К столетию Леонида Григорьевича Андреева. М.: Литфакт, 2022. С. 382–401.
5. *Майга А.А.* Литературный травелог. Специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 3 (37). С. 254–258.
6. Мертвый парень в стеклянном гробу. URL: <https://ru-open.livejournal.com/308088.html> (дата обращения: 20.05.2022).
7. *Нора П.* Франция — память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.
8. *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 577 с.
9. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. СПб.: Академический проект, 1997. 285 с.
10. *Хан-Магомедов С.О.* Мавзолей Ленина. История создания и архитектура. М.: Просвещение, 1972. 127 с.
11. *Энкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 438 с.
12. *Béraud H.* Ce que j'ai vu à Moscou. Paris: Les éditions de la France, 1925. 250 p.
13. *Vouju M.-C.* Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956 // Nouvelles fondations. 2007. No. 7–8. P. 260–265.
14. *Coeuré S.* Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. Lausanne: Noir sur blanc, 2014. 416 p.
15. *Dubois J.* Une nouvelle humanité. URSS. Paris: Librairie Valois, 1932. 256 p.

16. *Duhamel G.* Le Voyage de Moscou. Paris: Mercure de France, 1927. 258 p.
17. *Durtain L.* L'autre Europe. Moscou et sa foi. Paris: Gallimard, 1928. 351 p.
18. *Fabre-Luce A.* Russie 1927. Paris: Grasset, 1927. 241 p.
19. *Guilbeaux H.* Le portrait authentique de Vladimir Illitch Lénine. Paris: Librairie de l'Humanité, 1924. 167 p.
20. *Kroupskaia N.K.* Souvenirs sur Lénine. Paris: Le bureau d'édition, 1930. 206 p.
21. *Pascal P.* Lettre à Jean Guéhenno du 12 décembre 1928, Moscou / Fond J. Guéhenno à BNF, NAF 23297.
22. *Serge Victor.* Lénine 1917. Paris: Librairie du travail, 1924. 70 p.
23. *Viardot L.* Souvenirs de chasse / 2e édition, augmentée de cinq nouveaux chapitres. Paris: Paulin et Le Chevalier, 1849. 370 p.
24. *Vildrac Ch.* Russie neuve. Paris: Emile-Paul frères, 1937. 254 p.
25. *Viollis A.* Seule en Russie. De la Baltique à la Caspienne. Paris: Gallimard, 1927. 332 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Great Grave”: Mausoleum of V.I. Lenin in French Travelogue of the 1920–1930s.

© 2022. Elizaveta A. Legen'kova

St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article deals with the image of the Lenin's Mausoleum and the cult of the leader associated with it in the travelogues of French writers and journalists in the second half of the 1920s and early 1930s. The Mausoleum is the constant place of pilgrimage for both the Soviet people and foreign guests. For French travelers it is of interest as a Moscow sight reflecting the ideology of the Soviet system, a means of propaganda, a place for planting new cults and religions, which seemed strange in Moscow that proclaimed atheism. The authors note the Asian character of this cult, which demonstrates the impenetrability of the Western and Eastern mentalities. Arguing with Soviet propaganda, which is effective in a country where the vast majority of the population is illiterate, they come to the conclusion that it is impossible to create a myth about the leader's immortality in civilized countries with a long democratic tradition. Based on the stereotypes that have entered in the minds of the French since the time of Marquis de Custine and creating new ones, the authors try to comprehend the Mausoleum as a cultural phenomenon. The detailed ephrastic descriptions and sketches from crowd standing in line at the Mausoleum are overlaid with philosophical reflections and journalistic pathos. The counter arguments to Soviet propaganda is the metaphor of a dead man masqueraded in a living person, extended not only to the image of Lenin, but also to the dominant ideology of the state he has built. The Appendix contains Russian translations of excerpts from travelogues by French authors.

Keywords: Mausoleum, Lenin, travelogue, French novelists and journalists, Soviet propaganda, myth, West and East.

Information about the author: Elizaveta A. Legen'kova — PhD, Professor, Head of Department, Department of German and Romance Languages, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Fuchika 15, 192236 St. Petersburg, Russia.

E-mail: ussrrus133@yahoo.com

For citation: Legen'kova, E.A. “‘Great Grave’: Mausoleum of V.I. Lenin in French Travelogue of the 1920–1930s.” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 110–141 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-110-141>

References

1. Bordiugov, G.A., Kotelenets, E.A. *Lenin: kul't i antikul't v prostranstvakh pamiati, istorii i kul'tury. S Prilozheniem S.P. Shcherbiny [Lenin: Cult and Anti-cult in the Spaces of Memory, History and Culture. With Appendix by S.P. Shcherbina]*. Moscow, AIRO–XXI Publ., 2020. 632 p. (In Russ.)

2. Kashevarov, A.N. *Tserkov' i vlast'. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v pervye gody sovetской vlasti [Church and Power in the First Years of Soviet Power]*. St. Petersburg, St. Petersburg Polytechnic University Publ., 1999. 327 p. (In Russ.)

3. Legen'kova, E.A. “Ob odnom moskovskom pis'me P'era Paskalia Zhanu Geenno” [“On a Moscow Letter from Pierre Pascal to Jean Guéhenno”]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii IMLI RAN “Literatura kak avtonomiia: intellektualy i ideologiya v XX veke (Rossija i Zapad).” 10–11 sentiabria 2015 g. [Proceedings of the International Conference of IWL RAS “Literature as Autonomy: Intellectuals and Ideology in the 20th Century (Russia and the West).” September 10–11, 2015]*. Available at: <http://imli.ru/arkhiv-2015/1612-tezisy-i-annotatsii-dokladov-na-russkom-i-frantsuzskom> (Accessed 28 May 2022). (In Russ.)

4. Legen'kova, E.A. “Sovetskie muzei glazami frantsuzskikh pisatelei: ‘mesta pamiati’ ili mesta zabvenija?” [“Soviet Museums through the Eyes of French Writers: ‘Places of Memory’ or Places of Oblivion?”]. *Stat' i o frantsuzskoi literature. K stoletiiu Leonida Grigor'evicha Andreeva [Articles about French Literature. To the Centenary of Leonid Grigorievich Andreev]*. Moscow, Litfakt Publ., 2022, pp. 382–401. (In Russ.)

5. Maiga, A.A. “Literaturnyi travelog. Spetsifika zhanra” [“Literary Travelogue. Genre Peculiarities”]. *Filologiya i kul'tura*, no. 3 (37), 2014, pp. 254–258. (In Russ.)

6. *Mertvyi paren' v stekliannom grobu [Dead Guy in a Glass Coffin]*. Available at: <https://ru-open.livejournal.com/308088.html> (Accessed 20 May 2022). (In Russ.)

7. Nora, P. *Frantsiia — pamiat' [Memory Spaces]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999. 328 p. (In Russ.)

8. Ponomarev, E.R. *Tipologiya sovetского puteshestviia: “Puteshestvie na Zapad” v russkoi literature 1920–1930-kh godov [Typology of the Soviet Journey: “Journey to the West” in Russian Literature of the 1920s–30s: DSc Dissertation]*. St. Petersburg, 2014. 577 p. (In Russ.)

9. Tumarkin, N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [*Lenin is Alive! The Cult of Lenin in Soviet Russia*], trans. from English. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 285 p. (In Russ.)

10. Khan-Magomedov, S.O. *Mavzolei Lenina. Istoriia sozdaniia i arkhitektura* [*Lenin's Mausoleum. History of Creation and Architecture*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 127 p. (In Russ.)

11. Ennker, B. *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soiuze* [*Formation of Lenin's Cult in the Soviet Union*], trans. from German. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina” Publ., 2011. 438 p. (In Russ.)

12. Béraud, H. *Ce que j'ai vu à Moscou*. Paris, Les éditions de la France, 1925. 250 p. (In French)

13. Bouju, M.-C. “Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956.” *Nouvelles fondations*, no. 7–8, 2007, pp. 260–265. (In French)

14. Coeuré, S. *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme*. Lausanne, Noir sur blanc, 2014. 416 p. (In French)

15. Dubois, J. *Une nouvelle humanité. URSS*. Paris, Librairie Valois, 1932. 256 p. (In French)

16. Duhamel, G. *Le Voyage de Moscou*. Paris, Mercure de France, 1927. 258 p. (In French)

17. Durtain, L. *L'autre Europe. Moscou et sa foi*. Paris, Gallimard, 1928. 351 p. (In French)

18. Fabre-Luce, A. *Russie 1927*. Paris, Grasset, 1927. 241 p. (In French)

19. Guilbeaux, H. *Le portrait authentique de Vladimir Illitch Lénine*. Paris, Librairie de l'Humanité, 1924. 167 p. (In French)

20. Kroupskaia, N.K. *Souvenirs sur Lénine*. Paris, Bureau d'édition, 1930. 206 p. (In French)

21. Pascal, P. “Lettre à Jean Guéhenno du 12 décembre 1928, Moscou.” *Fond J. Guéhenno à BNF*, NAF 23297. (In French)

22. Serge, Victor. *Lénine 1917*. Paris, Librairie du travail, 1924. 70 p. (In French)

23. Viardot, L. *Souvenirs de chasse*, 2e édition, augmentée de cinq nouveaux chapitres. Paris, Paulin et Le Chevalier, 1849. 370 p. (In French)

24. Vildrac, Ch. *Russie neuve*. Paris, Emile-Paul frères, 1937. 254 p. (In French)

25. Viollis, A. *Seule en Russie. De la Baltique à la Caspienne*. Paris, Gallimard, 1927. 332 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 28.05.2022

Одобрена после рецензирования: 11.07.2022

Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 28.05.2022

Approved after reviewing: 11.07.2022

Date of publication: 25.09.2022